

Т.К. Алланиязов

Жезказганский университет имени О. А. Байконурова, Казахстан, г. Жезказган

ПРОТИВ ДИЛЕТАНТИЗМА В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ НАРОДНЫХ ВОССТАНИЙ 1929–1931 ГГ.

Историческая наука суверенного Казахстана на протяжении последних трех десятилетий обогатилась крупными достижениями в области разработки практически всех исторических периодов и, прежде всего, XX века, в рамках которого наиболее результативными были исследования советского периода, в частности проблемы политических репрессий 1920-1950-х годов. Результаты этих научно-исторических исследований, как и их авторы, общеизвестны. Но, наряду с достижениями в разработке проблематики советского периода, наблюдаются и существенные недостатки, одним из которых является практически полное исчезновение жанра критических рецензий. Это не могло не привести к появлению слабых как в теоретико-концептуальном, так и в методологическом отношении целого ряда исследований и публикаций. Для этого достаточно простого взгляда на содержание издающихся в Казахстане научно-исторических журналов, материалов многочисленных научных конференций, сборников и отдельных монографий. К сожалению, слабые работы выходят не только из-под пера кандидатов исторических наук, но и маститых исследователей обороненных докторскими степенями.

Так, например, научно-исторической обществу достаточно широко известно имя Арайлым Сабитовны Мусагалиевой, доктора исторических наук, профессора Евразийского университета имени Гумилева, которая является автором многочисленных публикаций как в отечественных, так и зарубежных (Россия и дальнее зарубежье) журналах по широкому спектру проблем советского периода, а также ряда монографий, в том числе таких как «Новые источники по истории «красного террора» в Казахстане (2017) и «Северный Казахстан как регион политических репрессий и депортаций народов СССР» (2017).

Высоко оценивая вклад А.С. Мусагалиевой в разработку проблематики политических репрессий, считаем необходимым обратить внимание на появление статьи в журнале «Отан тарихы» (2022 г., №3. С.87-94) «О народных восстаниях и протестах в Казахстане (1929-1931 гг.)». Дан-

ная статья явилась результатом работы автора в составе рабочей группы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий 1920-1950-х годов в течении 2021 и 2022 годов, когда осуществлялась углубленная разработка фондов государственных и ведомственных архивов с целью воссоздания наиболее полной и объективной научной картины истории вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929-1931 годов в Казахстане.

Предпринимая критический разбор статьи А.С.Мусагалиевой, автор стремится строго с научных позиций представить собственное видение характера и содержание работы. При этом, не претендуя на истину в последней инстанции, мы открыты для дискуссии, с помощью которой надеемся внести посильный вклад в возрождение жанра критических рецензий как важного и неотъемлемого условия повышения уровня научно-исторических исследований проблематики политических репрессий в Советском Казахстане.

Ознакомление с содержанием данной статьи свидетельствует о том, что в изучении истории вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 годов в Казахстане проявился легковесный подход к исследованию столь сложной и многоплановой темы.

Основанием для подобного наблюдения являются следующие наши суждения и выводы, вытекающие из детального анализа ключевых положений рассматриваемой статьи.

1. В аннотации к статье сказано, что в ней рассматривается «**история народных восстаний и протестов в Казахстане (1929–1931 гг.)**». По нашему твердому убеждению, осуществить подобную задачу в рамках отдельной статьи невозможно, для решения такой задачи необходимо, как минимум, монографическое исследование. Попытка решить эту задачу в формате журнальной статьи, по меньшей мере, несостоятельна в силу масштаба темы, ее сложности и многоплановости.

2. В аннотации указано, что **«в историографии были проанализированы труды казахстанских, российских и зарубежных историков»**. Рассмотрим, как автор статьи решает эту задачу. Работы казахстанских историков «проанализированы» в трех абзацах (с.89). При этом перечислены авторы работ, двумя строками указана их источниковая база, тремя строками охарактеризована проблематика работ. В адрес казахстанских историков был сделан ряд критических замечаний: что ими **«в основном были исследованы только крупные и известные восстания, но оставались в тени, без внимания средние выступления, или только треть, и даже меньше всего, количество протестов»**; что они обсуждали **«следующие темы: каков характер восстаний, либо как их назвать национально-освободительными, крестьянскими, антисоветскими или др.»**. Указав на то, что впервые формулировка «крестьянские восстания» была озвучена в Заключении Комиссии Президиума Верховного Совета РК 1992 года, автор утверждает, что этот тезис не только обусловил подходы казахстанских авторов оценивать восстания как «крестьянские», но и то, что **«эта концепция помешала многим казахстанским историкам рассмотреть проблему глубже и разносторонне»**. Завершая характеристику работ отечественных историков, автор пишет, что **«в целом, в некоторых работах превалирует описательный характер хода восстаний и выступлений, в некоторых местах доминирует публицистический стиль. А также не были изучены такие важные исторические явления как «бандформирования», уход повстанцев в «откочевки», или сопротивление повстанцев на границах»**.

Здесь, прежде всего, следует подчеркнуть, что автор статьи пренебрег базовым принципом, на котором зиждется подлинно научное исследование – учет достижений предшественников. Изучение историографии проблемы имеет свою традицию – она детально исследована в наших работах 2002, 2009 и 2022 годов. О том, что некоторые работы по теме, опубликованные с 1992 по 2000-е годы, носили описательный, публицистический характер, отмечалось нами в 2002¹, в 2009² и 2022 годах³.

¹ Алланиязов Т.К. Крестьянские выступления 1929-1932 годов в Казахстане: опыт и проблемы изучения. Под. ред. Т.О.Омарбекова. Алматы «Фонд XXI век», 2002. С.8.

² Алланиязов Т.К., Таукенов А.С. Последний рубеж защитников номадизма. История вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане (1929-1931 годы). – ОО «OST- XXI век», 2009. – С.31.

³ Алланиязов Т.К. История вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 годов в Казахстане в новейшей литературе (2001–2021 годы) // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 103.

Далее следует особо подчеркнуть, что в трудах казахстанских историков исследованы в той или иной мере практически ВСЕ вооруженные выступления и повстанческие движения 1929–1931 годов – их по подсчетам Т.Омарбекова было 21⁴, по подсчетам Т.Алланиязова – 25.⁵ Казахстанские историки исследовали **все «крупные» и «средние» восстания»**. Поэтому суждения автора статьи о том, что **«оставались в тени, без внимания средние выступления»** беспочвенны и надуманы. Они свидетельствуют о слабом знании конкретного содержания работ казахстанских историков и, прежде всего, Т.Омарбекова, К.Алдажуманова, Б.Жумагулова, Н.Байкадамова и Т.Алланиязова. А попытка автора статьи указать на то, что без внимания остались **«только треть, и даже меньше всего, количество протестов»** свидетельствует о научной несостоятельности подобных расчетов в практике исследования истории вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929-1931 годов. К тому же призыв автора статьи о **«необходимости написания отдельных монографий по каждым из этих восстаний»** не является чем-то новым. Об этом мы писали еще в 2002 году, когда отмечали, что **«разработка проблематики истории крестьянских выступлений 1929-1932 годов на монографическом уровне только начинается»** и что **«преодоление этого недостатка есть важное условие поступательного развития историографии проблемы»**.⁶

Утверждения автора о том, что казахстанские историки обсуждают характер восстаний и маркируют их такими характеристиками как **«национально-освободительные, крестьянские, антисоветские»**, свидетельствует о неполном знании ею конкретного содержания работ казахстанских историков. В трудах казахстанских историков данная тема – характер восстаний – специально не затрагивалась, а отмечалась попутно, в процессе результирующих выводов и обобщений. Специально данная тема ставилась и решалась лишь в исследованиях

⁴ Омарбеков Т. 1929–1931 жылдардағы халық көтерілістері: Зерттеу. Алматы, 2018. 480 с.; Омарбеков Т. Кеңестік биліктің зомбылығына қарсы халықтың қарсылығы: жаңа деректер куәлігі (1929– 1932 жж.) // История Казахстана в советский период: исследования и проблемы: сб. мат.-лов республ. науч.- практ. конф. Алматы, 2021. С. 117–121.

⁵ Алланиязов Т.К. , Таукенов А.С. Последний рубеж защитников номадизма. С. 169.

⁶ Алланиязов Т.К. Крестьянские выступления 1929-1932 годов.... С.73.

Т.Алланиязова 2002 и 2009 годов, в которых в числе задач стоял вопрос о концепции характера и существа вооруженных выступлений и повстанческих движений.

Беспочвенным, несостоятельным и надуманным видится суждение автора статьи о том, что казахстанским историкам рассмотреть проблему **«глубоко и разносторонне»** помешал выдвинутый в 1992 году тезис о крестьянском характере восстаний. Здесь, во-первых, отметим отсутствие у автора какого-либо аргумента в пользу такого голословного суждения. Формулировки «Крестьянские волнения», «крестьянские восстания», «крестьянские выступления» использовали в своих работах М.К.Козыбаев, Ж.Абылхожин, К.Алдажуманов,⁷ на что мы обратили внимание еще в 2002 году. При этом тогда же нами было отмечено, что для обозначения событий 1929–1932 годов правомерным будет использование более широкого определения – «крестьянские выступления».⁸ Во-вторых, как показывает осуществленный нами историографический анализ всей имеющейся по теме литературы, казахстанские историки в основном справились с задачей комплексного и системного изучения темы. Другой вопрос, что ограниченный доступ к засекреченным документам и материалам, отсутствие достаточного числа высококвалифицированных и мотивированных историков, слабая разработанность темы в источниковедческом аспекте, не давали возможность казахстанской исторической науке вплоть до настоящего времени осуществить глубокую и разностороннюю разработку истории крестьянских выступлений 1929–1932 годов, в том числе и таких форм протеста казахских шаруа против аграрной политики советской власти, как откочевки за пределы проживания, в соседние союзные республики или за рубеж, которые зачастую сопровождалась боевыми действиями при попытке их задержания. К этому добавим, что проблема изучения вооруженных откочевек ставилась нами задолго до рассматриваемых нынешних суждений автора статьи, еще в 2009 году.⁹

Завершая оценку подходов автора статьи к работам казахстанских историков, обратим внимание на следующие моменты. Автором

⁷ Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Алдажуманов К.С. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. – Алма-Ата, 1992. Раздел «Крестьянские волнения».

⁸ Алланиязов Т.К. Крестьянские выступления 1929–1932 годов. С.6.

⁹ Алланиязов Т.К., Таукенов А.С. Последний рубеж защитников номадизма. С.171–172.

книги «Степная трагедия: Адайское восстание 1929–1931 гг. (2010 г.)» указан Ж.Набиев. Но Ж.Набиев лишь автор проекта, а книга включает в себя повесть И.Сариева «Кровавое побоище» и архивные документы по теме.

Автор весьма позитивно оценивает достижения российской историографии по изучению **«истории восстаний казахов»** (с.89). Перечисляет труды Наземцева, Полякова, Попова, Тарховой, Козлова, Казиева и Сеницына. О последнем она пишет следующее: **«он, исследуя сопротивление всех кочевников Советского Союза, много внимания уделяет казахам..., дает наиболее точную характеристику такому явлению изучаемого периода как: беженство или «откочевки», и называет ее еще одной формой активного сопротивления казахов»**.¹⁰ Анализ книги Сеницына показывает, что вооруженным выступлениям в Казахстане автор уделил всего 17 страниц текста. При этом источниковой основой для изложения в самом общем виде ключевых моментов этих событий явились не архивные материалы, а исследования казахстанских историков и, прежде всего, наших работ. К тому же подход Сеницына к характеристике откочевек не является чем-то новым на фоне достижений казахстанской историографии проблемы.

В работе Н.С. Тарховой посвященной роли Красной армии в сталинской коллективизации¹¹ в соответствующих разделах Казахстан лишь упоминается при анализе ряда ранее опубликованных документов, а также приведен материал на 9 строк о мобилизации из числа красноармейцев-курсантов и младших командиров Семипалатинской школы младшего комсостава **«который выступил на подавление „кулацкого выступления“»**.¹²

Ссылка автора статьи на публикацию Ю.А.Полякова «Каракумская операция 1931 года» помещенную на страницах журнала «Отечественная история», №4 за 2007 год, по меньшей мере, неуместна, поскольку данная публи-

¹⁰ Здесь и далее стилистика и орфография авторского текста сохранены.

¹¹ Тархова Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. М.:РОСПЭН, 2010. 375 с.

¹² Тархова Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. С.196. В ходе переписки с Н.С.Тарховой на мой вопрос о причинах отсутствия в ее работе сведений о роли РККА в подавлении вооруженных восстаний в Казахстане в 1929–1931 годах, автор любезно ответила, что «интересующий вас аспект не ставился мною для раскрытия». Личная переписка от 28 марта и 11 мая 2022 года.

кация есть рецензия на книгу Т.Алланиязова «Красные Каракумы»,¹³ посвященная Каракумской операции САВО против туркменских и казахских повстанческих отрядов в Западных Каракумах (Туркменистан) весной и осенью 1931 года. Работы остальных российских историков, судя по их тематике и хронологии, к истории крестьянских выступлений 1929-1932 годов в Казахстане имеют далеко не самое прямое отношение. За исключением публикации Ю.Попова, карагандинского краеведа, с 1994 года проживающего в РФ, который опирался в своей статье исключительно на воспоминания участников событий, имевших место в 1931 году в районах Центрального Казахстана. Сведения, приводимые Ю.Поповым, безусловно, заслуживают внимания, но требуют документального подтверждения.

Теперь об оценках работ зарубежных историков. Суждение автора статьи о том, что **«зарубежные ученые также подвергли всестороннему (курсив мой. – Т.А.) изучению восстаний в Казахстане (Огайон, Пьянчолло, Киндлер, Камерон»** далеко от истины. Анализ работ названных исследователей свидетельствует, что они при изложении сведений, касающихся истории вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929-1931 годов в Казахстане целиком и полностью опирались не на архивные материалы, а на достижения казахстанских исследователей – Т.Омарбекова, К.Алдажуманова, М.Омарова и Т.Алланиязова. В результате всего этого материал о восстаниях в исследованиях вышеназванных зарубежных ученых вторичен. Основанием для этого суждения служат соответствующие ссылки в их работах.

Некоторое исключение составляет публикация Н.Пьянчолло 2013 года,¹⁴ посвященная интерпретации повстанческого движения в Казахстане в связке ОГПУ, ислама и казахских «кланов» на примере Сузакского восстания, где использовался и опубликованный архивный материал.

По поводу суждения автора статьи о том, что в работе Н.Пьянчолло и А. Жарасова и в рецензии российского историка С.Абашина **«достаточно полно представлена историография проблемы»** заметим следующее. Безусловно,

что в совместной статье итальянского и казахстанского историков дан достаточно серьезный и объективный анализ практически всех основных исследований, вышедших как из под пера отечественных, так и зарубежных историков. С.Абашин же дал критическую оценку только работам И.Огайон, Р.Киндлера и С.Кэмерон. При этом, автором рассматриваемой статьи почему то не была принята во внимание наша рецензия на книгу Р.Киндлера, опубликованная в первом номере журнала «Постсоветский материк» за 2018 год.¹⁵

Подводя итоги характеристике подходов А.С.Мусагалиевой к оценкам работ по истории крестьянских выступлений 1929-1932 годов отметим, что здесь налицо тенденциозность автора, проявляющаяся в критической оценке работ казахстанских историков на фоне позитивных оценок работ российских и западных историков. Это является, по нашему твердому убеждению, свидетельством недостаточного, а по сути, слабого знания содержания всего комплекса работ казахстанских историков, опубликованных с 1992 по 2022 годы, в том числе и работ по историографии проблемы. К этому следует добавить, что вышеприведенные суждения автора статьи относительно оценок работ, посвященных истории крестьянских выступлений 1929-1932 годов, не вписываются в каноны историографического анализа и свидетельствуют о наличии у автора лишь элементарных способностей к осуществлению полноценного историографического исследования.

3. Слабое знание достижений казахстанской историографии в свою очередь обусловило и дальнейшие суждения и умозаключения автора статьи, которые свидетельствуют о попытке автора позиционировать себя в качестве первооткрывателя. Так, освещая причины, характер и лозунги восстаний 1929-1931 годов автор называет заготовительные кампании, антирелигиозную политику, масовость выступлений, интернациональный состав восставших, приводит лозунги, которые провозглашались в ходе выступлений в различных районах Казахстана. Однако, все эти моменты были исследованы в трудах казахстанских историков задолго до появления статьи А.С.Мусагалиевой. Для этого достаточно обратить пристальное внимание на содержание целого ряда исследований и публи-

¹³ Алланиязов Т.К. Красные Каракумы. Очерки истории борьбы с антисоветским повстанческим движением в Туркменистане (март-октябрь 1931 года). Алматы. ОО «OST XXI век», 2006. 260 с.

¹⁴ В статье А.С.Мусагалиевой на странице 89 ошибочно указан 2015 год.

¹⁵ Алланиязов Т.К., Долгополов А.Б. Власть и голод в Казахстане глазами немецкого историка Роберта Киндлера // Постсоветский материк. М.: 2018, №1. С.114-125.

каций по истории крестьянских выступлений 1929-1931 годов в Казахстане, относящихся к 1992-2018 годам.

4. Теперь главное, ответ на вопрос ради чего автором затевалась и публиковалась рассматриваемая нами статья. Ради того, чтобы застолбить за собой первенство в озвучивании некоторых цифр, почерпнутых из новых первоисточников и результатов их простого суммирования с данными начала 1990-х годов.

Речь в данном случае идет о «численности восстаний и участников». Автор статьи отмечает, что согласно Заключения комиссии (1992 г.) в 1929-1931 годах в Казахстане имело место 372 восстания. **«Эти сведения были даны до 1 декабря 1931 г., декабрь 1931 г. и 1932 г. не включены. Как мы знаем¹⁶, в конце 1931 г. и в 1932 г. восстания продолжились».** В качестве подтверждения своего суждения, автор пишет: **«Как видим в документах, с 1 января по 1 июля 1932 г. по Казахстану на учете состояло 83 «банды» – 1247 человек. (при чем 10 банд неизвестно). С 1 июля по 1 октября 1932 г. осталось 30 групп, количеством участников – 379, вновь возникло – 49, ликвидировано – 32. В 1932 г. было ликвидировано контрорганизаций – 8, группировок – 1400, «бандшак» - 179, одиночки – 3857; за четыре месяца 1933 г. было ликвидировано контрорганизаций – 5, группировок – 1056, одиночки – 664».** Мы не ставим под сомнения приведенные автором цифры, поскольку они извлечены из дела № 495, фонда 1 СГА КНБ РК. Мы ставим вопрос – где тут восстания? Где расшифровка деятельности банд, бандшак, групп, контрреволюционных организаций, подпадающих под дефиницию «восстание»? Отсутствие этих сведений дает основание полагать, что автор смешивает понятия «вос-

стание» с деятельностью вышеназванных банд, групп и контрреволюционных организаций цели и деятельность которых, безусловно, подпадали по статье УК РСФСР. Но без конкретного указания на то, что все они осуществляли повстанческую деятельность сложно отнести наличие этих групп и организаций к разряду «восстания». Стремление автора расширить хронологию восстаний до 1932 года включительно не вызывает нареканий, но в таком случае ей следовало бы в названии статьи отразить не 1929-1931 годы, а 1929-1932 годы.

Процитируем еще один абзац из рассматриваемой статьи: **«Несмотря на то, что в Заключение было написано, что „восстания сопровождались массовыми откочевками населения за пределы республики, в том числе и за границу“ в документах силовых структур республики «бандвыступления» и откочевки на приграничной территории также входили в состав массовых протестных выступлений в Казахстане. Но, эти протесты в Казахстане не исследовались».**

Несмотря на отсутствие связности между двумя тезисами в первом предложении, мысль автора статьи в целом понятна – она вслед за документами ОГПУ констатирует факт включения бандвыступлений и откочетов в разряд массовых протестных выступлений. Но для подтверждения этих констатаций не приведены весомые аргументы в виде цитирования соответствующих конкретных указаний содержащихся в документах ОГПУ. Поэтому данный вопрос остается открытым.

Тезис, содержащийся во втором предложении, соответствует действительности. Но его логическим продолжением должно было стать объяснение причин того, почему в исторической литературе изучению откочетов за рубеж не уделялось внимания.

Автор статьи вполне обосновано отмечает интернациональный характер восстаний в Казахстане приводя в качестве примера деятельность Толстоухова в восточных районах республики. Но при этом почему то «забывает», что на этот аспект казахстанские историки (Т.Омарбеков, К.Алдажуманов и другие) обращали внимание задолго до автора. Рассказывая о Щучинском и Черкасском восстаниях, автор вслед за сведениями, изложенными в Справках содержащихся в соответствующем фонде СГА КНБ РК, пишет что Щучинское **«восстание охватило территорию Акмолинского округа»**, а **«в южных**

¹⁶ О том, что крестьянские выступления имели место и в 1932 году, было известно задолго до «открытия» сделанного автором статьи. Свидетельством тому служит название статьи К.Алдажуманова «Национально-освободительное движение 1916 года и крестьянские восстания 1929-1932 гг.: проблемы преемственности // Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 году: характер, движущие силы, уроки / Материалы международной научно-теоретической конференции (Алматы, 1996, 18 октября). – Алматы: Фонд «XXI век». – 1997. – С.88-94. В 2009 году в книге «Последний рубеж защитников номадизма» на странице 170 нами также ставился вопрос о крестьянских выступлениях имевших место в 1932 году. В 2021 году в своем сообщении «Кеңестік биліктің зомбылығына қарсы халықтың қарсылығы: жаңа деректер куәлігі (1929-1932 жж.)» на республиканской научно-практической конференции Т.Омарбеков представил сведения об имевших место выступлениях невооруженного характера в 1932 году. Из этого автор сделал вывод о необходимости расширить хронологию истории крестьянских выступлений – с 1929 по 1932 год включительно.

регионах было Черкасское восстание в Алма-тинской области». И далее отмечает, что «оба восстания были ликвидированы органами ОГПУ еще до начала». Возникает вопрос – если восстания были ликвидированы органами ОГПУ еще до начала, то каким образом они состоялись? Вероятно, автор пошла на поводу у составителей Справок, которые озаглавили документы соответствующим образом – «Справка о Щучинском восстании и организации «Красная шапочка» и вслед за ними обозначила не состоявшиеся восстания как состоявшиеся. В другом документе – «Справка по Черкасской к./р. повстанческой организации Алма-Атинской области» речь идет лишь о подготовке восстания, а не о состоявшемся восстании. Однако, так же как и в первом случае, автор пишет о Черкасском восстании. Подобное можно расценивать как поверхностный подход к изучению документов, который и обусловил авторские суждения о Щучинском и Черкасском «восстаниях», а также продемонстрировал неумное желание автора сомнительными способами увеличить численность восстаний.

Далее читаем в тексте статьи: **«Отдельно хотим представить так называемые „бандвыступления и откочевки“, которые были указаны в документах ОГПУ. Таким образом, Советская власть всех беженцев (откочевников), направлявшихся за границу, назвала «бандформированиями». Приведя лозунги беженцев-откочевников, автор сделала «научное» открытие – «по нашим данным, протесты и откочевки были в основном в приграничных районах, в том числе Семипалатинской, Алма-Атинской, Мангистауской». Имеющиеся на этот счет суждения в исследованиях и публикациях Т.Омарбекова и К.Алдажуманова высказанные задолго до появления рассматриваемой статьи всецело купируют данное «научное» открытие.**

Прочитываем следующий абзац: **«В 1929-1931 гг. в Казахстане было 194 «банддвижения» или группы сопровождающие откочевками¹⁷, в нем участвовали 5468 человек, в том числе в 1929 г. – 31 группа, 351 человек, в 1930 г. – 85 групп, 1925 человек, в 1931 г. – 80 групп, 3192 человека¹⁸ (СГА КНБ РК, 495:172). Из них в приграничных районах было – 122 группы, 2444 человека., В 1931 г. ликвидиро-**

вали 21 группу, 1610 человек, осталось – 18 групп, 479 человек. Они находились в поле зрения сотрудников ОГПУ». К цитированному абзацу присовокупим еще два предложения из нижеследующего абзаца: «Итак, нами выявлено общее количество восстаний и выступлений – 566. Но это не последняя статистика, полагаем, что далее еще будут происходить изменения этих данных, ибо они находятся на стадии определения и уточнения».

Мы полагаем, что цифра 566 образовалась в результате простого сложения цифр 372 и 194. Хотя это арифметическое действие автором статьи напрямую не оговаривается.

Цитированные выше цифры, демонстрирующие количество «банддвижений» по трем годам – 1929, 1930 и 1931, не являются чем то новым для историографии крестьянских выступлений.

Еще в 1997 году Т.Омарбеков отмечал, что **«ОГПУ, выделяя среди массовых выступлений вооруженные восстания, подсчитало численность повстанческих групп и повстанцев, участвовавших в них».**¹⁹ Ссылаясь на справку ПП ОГПУ в Казахстане, Т.Омарбеков приводит численность повстанческих групп по годам: 1929-й – 31, 1930-й – 85, 1931-й – 80. Итого – 196 групп с общей численностью 5468 человек. Из этих суждений Т.Омарбекова, как и из содержания справки ПП ОГПУ видно, что и в первом, и во втором случаях указанные 196 групп рассматриваются в общем числе (372) восстаний и выступлений. В развитии своих суждений Т.Омарбеков отмечал, что данные о количестве повстанческих групп, приводимые в документах ОГПУ, расходятся с данными, содержащимися в партийных документах. В качестве подтверждения данного суждения Т.Омарбеков процитировал выдержку из письма Ф.И.Голощекина И.В.Сталину за декабрь 1931 года, где, в частности, отмечено, что за последние два года имели место 15 восстаний, в которых участвовало до 34 тысяч человек. Кроме того, как сообщал Ф.И.Голощекин, за последние два года ликвидировано 1350 контрреволюционных групп и арестовано принимавших в них участие 7,5 тысяч человек.²⁰

Автор рассматриваемой статьи либо не в курсе этих суждений Т.Омарбекова, либо просто их проигнорировала. В противном случае ей

¹⁷ Так в тексте, правильно – откочевки.

¹⁸ В сумме количество групп за три года дает 196, а не 194 как у автора.

¹⁹ Омарбеков Т. 20-30 жылдардағы Қазақстан қасіреті. – 126 бет.

²⁰ Омарбеков Т. 20-30 жылдардағы Қазақстан қасіреті. – 127 бет. На эти моменты мы обратили внимание еще в 2009 году в нашей книге «Последний рубеж защитников номадизма. С.164.

пришлось бы учитывать всю совокупность документов и содержащихся в них сведений, а это потребовало бы некоторых интеллектуальных усилий для осуществления соответствующих корректировок. Думается, что вопрос о включении 196 повстанческих групп в общее число восстаний и выступлений требует формулирования соответствующего методологического подхода, выработки необходимых критериев, на основе которых и следует решать вопрос о численности восстаний и выступлений. Вместо этого мы наблюдаем примитивное механическое суммирование и выведение новой цифры – 556 восстаний и выступлений. На наш взгляд, считать 196 повстанческих групп, действовавших в рамках всей совокупности восстаний и выступлений в период с 1929 по 1931 годы, является методологически не оправданным и расширение общего числа восстаний и выступлений за счет указанного количества групп не состоятельно с научной точки зрения.

Продолжим цитирование суждений автора статьи: **«По документам спецархива КНБ РК, нами была предпринята попытка определить число участников восстаний. В крупных и известных восстаниях количество участников выглядит следующим образом: в южных областях участвовало 13900 человек, в Восточно-Казахстанской области участвовало 6000 человек, в Алма-Атинской области участвовало 6950 человек, в Актыюбинской области участвовало 10200 человек, в Западно-Казахстанской области участвовало 16600 человек, Каркаралинский округ – 150 человек. Общая численность 53400 человек, но это не окончательная цифра. Надо еще помнить и об неучтенных, пока нами, участниках мелких восстаний в разных районах регионах республики».**

Комментируя данное суждение, отметим следующее. Во-первых, не назван источник, что затрудняет возможность определить использованную автором методику подсчета числа участников восстаний. Во-вторых, каковы авторские критерии так называемых **«крупных и известных восстаний»**. В-третьих, непонятно, почему автор делит восстания смешанным образом – по областному и окружному критерию, а не по конкретным местам их проявления.

Анализ общеизвестной всем исследователям истории вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929-1931 годов «Справки о восстаниях и бандвыступлениях на территории

Казахстана за период 1929-1931 годов»²¹ показывает следующую картину: по южным²² (Сырдарьинский и Кызылординский округа²³) областям – $800+2800+500+1500+500+500=6600$ человек; по Восточно-Казахстанской (Катон-Карагайский, Зырянский, Усть-Каменогорский и Кокпектинский районы) области – 900 человек; по Алма-Атинской области (Биен-Аксуйский, Балхашский, Чокпарский и Кара-Кастекский районы) – $5000+1800+100 = 6900$ человек; Актыюбинская область (Иргизский район Актыюбинского округа и Жетыггаринский район Кустанайского округа) – 2900 человек; Западно-Казахстанская область (Мангистауский, Табынский, Жилокосинский районы Гурьевского округа, Жангалинский район Уральского округа) – $1000+15000+600 = 16600$ человек.

Как видим, совпадения данных, приведенных в статье и в Справке только по двум регионам – Алма-Атинской области и Западному Казахстану. Факт точного совпадения численности участников по восстаниям в Западном Казахстане свидетельствует, о том, что автор использовала при своих подсчетах и проанализированную нами Справку.

Обращаем внимание на Справку в связи с тем, что в следующем абзаце текста статьи мы читаем: **«В справке ПП ОГПУ по Казкрайком ВКП(б) «О восстаниях и бандвыступлениях на территории Казахстана за период 1929-1931 гг.», 22 октября 1931 г. отмечается (СГА КНБ РК, 488: 164), что в 1929 г. в восстаниях участвовало 20000 человек, в 1931 г. – 18500 человек. Но, нет сведений на 1930 г.»** (с.92).

Судя по названию Справки и ее выходным данным, речь идет об одном и том же документе. Поскольку совпадают названия и даты составления Справок – 22 октября 1931 года. Вызывает недоумение, почему в оригинале, хранящемся в указанном деле №488, отсутствуют данные за 1930 год. В копии этой Справки, хранящейся в АПРК, Ф.141, опись 1, дело № 5052 перечислены по 17 пунктам бандвыступления с разбивкой по годам – 1929, 1930 и 1931. При этом, за 1929 год указаны только два выступления – в Бостандыкском районе бывшего Сырдарьинско-

²¹ АПРК. Ф.141. Оп.1. Д.5052. ЛЛ.315-319. В Справке перечислены 17 выступлений.

²² Здесь мы указываем название областей по тому, как они названы в рассматриваемой нами статье.

²³ В скобках мы приводим названия округов и районов, которые указаны в анализируемой нами Справке.

го округа и Батпакаринском районе бывшего Кустанайского округа. Общее число участников событий определено соответственно в 800 и 700 человек. Итого – 1500 участников.²⁴ В 1930 году по 8 бандвыступлениям общее число участников составило 17900 человек.²⁵ В 1931 году по 7 бандвыступлениям общее число участников составило 19400 человек.²⁶ Всего, таким образом, согласно данным приведенным в Справке, общее число участников событий составило 38800 человек.

Попутно заметим, что автор статьи, цитируя дважды один и тот же документ – доклад командира и комиссара 11-й кавдивизии Н.Евсеева Реввоенсовету Приволжского военного округа «О боевых действиях особой оперативной группы в Казахстане в марте, апреле и мае 1930 года»²⁷ на страницах 91 и 92, во втором случае называет его «доклад ОГПУ». При этом сноски даются на один и тот же источник – АПРК. Ф.141. Оп.1. Д.2953.

Цитируем дальше: **«Восстания и выступления не прекратились и в 1932 г. В 1932 г. было убито без суда и следствия 139 участников восстаний, арестовано 2384 человека. (СГА КНБ РК, 495:32-42). Конечно, они не имели массовый характер как в 1931 году, но народные восстания продолжались»** (с.92).²⁸

Поскольку автором не приведены данные ни по одному «восстанию и выступлению» трудно судить, насколько объективны цитируемые ею суждения и приведенная статистика.

Цитируемый ниже абзац представляет собой набор фраз декларативного характера, к тому же не связанных между собой какой либо логикой: **«Жертвы политических репрессий, расстрелянных без суда и следствия в ходе подавления восстаний, а также подвергнутым репрессиям внесудебными и судебными органами за участие и поддержку этих восстаний. Одной из важнейших наших задач является поиск и обнаружение документов о людях, подвергнутых репрессиям внесудебными и судебными органами за участие и поддержку этих вос-**

станий. Дело в том, что силы повстанцев и ОГПУ были неравными, народ участвовал в восстаниях и протестах, обходясь своими силами, как прежде, у народа не было профессиональной военной подготовки и оружия».

Первое предложение, как известно, вошло с июля 2022 года в перечень задач, поставленных Проектным офисом перед рабочей группой разрабатывавшей вопросы истории восстаний 1929-1931 годов.²⁹ Кто является его автором остается только гадать. Учитывая, что определить численность расстрелянных повстанцев без суда и следствия в ходе подавления восстаний является проблематичным, поскольку точные данные известны только по документам, отложившимся в ходе следствия над участниками Абралинского восстания,³⁰ нам представляется, что формулирование этой задачи свидетельствует о слабом знании архивных источников по истории вооруженных восстаний 1929-1931 годов.

Второе предложение, содержащее задачу выявления сведений о репрессированных за участие и поддержку восстаний, изначально, в процессе создания Госкомиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий, было сформулировано как одна из главных задач по поиску и выявлению не реабилитированных участников восстаний для представления их соответствующим органам на реабилитацию.

Касаясь содержания третьего предложения содержащего суждение о неравном противостоянии между повстанцами и ОГПУ, то оно стало общеизвестным еще с начала 1990-х годов, с первых публикаций по истории восстаний, вышедших из-под пера Т.Омарбекова.

Таким образом, цитированный абзац всем своим содержанием не несет какой либо смысловой нагрузки, и лишней раз подтверждает то, что как сама концепция статьи, так и ее структурные основания не являются продуманными.

Процитируем выдержки из следующих абзацев: **«Здесь, важно подчеркнуть, что многие повстанцы погибли в ходе вооруженных столкновений. И произвести подсчет невозможно, но, по документам архива КНБ, нам удалось это сделать, но пока только участников крупных восстаний», «На основе документов архива КНБ РК и Архива Президента РК нами был подведен подсчет участников восстаний, в ходе которого выяснили, что только в 32**

²⁴ АПРК. Ф.141. Оп.1. Д.5052. Л.315.

²⁵ АПРК. Ф.141. Оп.1. Д.5052. Л.Л.315-317.

²⁶ АПРК. Ф.141. Оп.1. Д.5052. Л.Л.318-319. Без учета данных на участников выступлений в районах Семипалатинского округа из-за смазанной цифры.

²⁷ АПРК. Ф.141. Оп.1. Д. 2953. Л.38-82. В рассматриваемой статье в качестве адресата ошибочно указан секретарь Казкрайкома Ф.Голощекин.

²⁸ Эти же цифры автор повторяет, без какой либо связки, и на странице 93.

²⁹ Группу с февраля по июль 2022 года возглавляла А.С.Мусагалиева.

³⁰ Эти данные приведены в книге Б.Насенова «Абыралы көтерілісі». Алматы-Новосибирск. 2005. С.162

крупных и известных восстаниях участвовало 35604 человека, это 12890 хозяйств (примерно больше 50 тысяч), из них 3539 человек погибли на полях сражений, 23 человека – умерли в тюрьме, 6448 человек арестовано, часть из них освободили, 1091 расстреляли. Но, тела многих погибших повстанцев забрали, также не подвергнуто подсчету число участников восстаний, которые выехали на „откочевки“, беженцы.

Не вдаваясь в некоторую сумбуурность цитированного текста, а также приводимых цифр связанных с численностью хозяйств – то ли 12890, то ли больше 50 тысяч (по контексту понятно, что здесь речь идет о численности людей), отметим, что несколько ранее автор уже приводила цифру 53400 человек, когда подсчитывала количество участников в **«крупных и известных восстаниях»**. Кроме того, автор, почему то не называет количество освобожденных из-под ареста, не приводит численность оправданных в ходе следствия, не дает процентное соотношение арестованных, осужденных и приговоренных к ВМН. Поскольку в этом случае эти цифры пришлось бы мотивированно объяснять, что, в свою очередь, ломало бы изначально принятый тезис абсолютного зла, совершаемого органами советской госбезопасности в процессе подавления восстаний, суда и следствия над участниками событий.

Теперь попытаемся ответить на вопрос – откуда взялась цифра **«32 крупных и известных восстания»**. Для ответа на этот вопрос заглянем в материалы дела архивный №527, описи 1, фонда 9 СГА КНБ РК. В двух томах названного дела содержатся «Обзорные справки по архивным материалам о бандвосстаниях в Казахстане» составленные в 1963-1965 годах и рассекреченные в июне 2021 года. Всего в деле содержится 34 документа, в том числе: 29 Справок, а также 5 дополнений к отдельным Справкам. Из этого числа документов 23 Справки и дополнения к ним касаются непосредственно восстаний, 1 Справка касается репрессированных в 1932-1933 годах ряда участников Чингистауского восстания, остальные 10 документов – это Справки по проверке Б.Каралдина и Ш.Кудайбердиева, которым вменяли подготовку или причастность к восстаниям в Иргизе и Чингистау (4 документа), Справка по материалам архивно-следственного дела № 7895, Справка об Октябрьской байской откочевочной группе, Справка о Черкасской повстанческой организации, Справка на участни-

ков бандитской группы 3 и 5 аулов Тургайского района Кустанайской области, Справка о контрреволюционной организации «Крестьянская партия», Справка о деятельности антисоветской повстанческой байской группы в Актюбинской области (6 документов).

В вышеназванных 23 Справках и в дополнениях к ним, помимо краткого, но вместе с тем содержательного по фактическим и статистическим данным материала по конкретному вооруженному восстанию (всего нами подсчитано 20 восстаний), содержатся сведения о количестве, как привлеченных к уголовной ответственности участников событий, так и осужденных к различным мерам наказания, в том числе и к ВМН, с указанием фамилий и имен.

32 восстания, о которых говорится в рассматриваемой статье, возможно, являются результатом не критического анализа содержания вышеназванных Справок. Вероятно, автор свела воедино данные содержащиеся во всех Справках, в том числе и тех, которые содержат информацию по отдельным контрреволюционным повстанческим организациям, которые, судя по Справкам, готовили вооруженное выступление, но были оперативно и своевременно обезврежены органами госбезопасности, а также по группе баев, готовившей и осуществлявшей вооруженную откочевку за рубеж.

Сведенные воедино эти данные и дали цифры по количеству участников восстаний, умерших в тюрьме, арестованных и расстрелянных после вынесения приговоров³¹. Нам представляется, что подобное смешение не является глубоко продуманным подходом к решению проблемы, поскольку не были решены вопросы методологического характера. Речь в данном случае идет о необходимости учета критериев, которые были разработаны в документах ПП ОГПУ в Казахстане и ОГПУ СССР, согласно которым осуществлялось четкое разграничение вооруженных выступлений, вооруженных откочевок, выступлений мирного характера и деятельность контрреволюционных группировок. На эти моменты мы обращали внимание в своей работе 2009 года³², которые, к сожалению, автором статьи не были приняты во внимание.

³¹ Особое недоумение вызывает озвученная автором цифра о погибших на полях сражений 3539 человек. Что, на наш взгляд, свидетельствует о недостаточном понимании автором не только специфики, но и характера ведения боевых действий, в обстановке которых силы подавления не в состоянии были осуществлять всеобъемлющий и объективный учет погибших повстанцев.

³² Алланиязов Т.К., Таукенов А.С. Последний рубеж защитников номадизма. С.162-175.

В рассматриваемой статье встречаются и неприемлемые опечатки и голословные суждения, типа уничтожения в Алматинской области в октябре 1931 года во время авианалета **«140 тысяч хозяйств»** и гибели 800 человек беженцев **«которые были не причастны к восстаниям»** и **«лишь хотели перейти границу в Китай»**.

Статья пестрит абзацами, которые сплошь и рядом содержат вырванную из контекста архивных документов информацию без какого либо их анализа. Так, например, отмечено, что **«в январе-феврале 1930 г. было 39 случаев столкновений погранохраны с вооруженными группами „откочевников“**. Здесь важно отметить, что на тот период у погранохраны было **5 пулеметов и в достаточном количестве прочего оружия. Убивать беженцев „откочевников“ было без труда и без потерь, так как они были слабы и не могли противостоять»** (с.93).

По поводу суждений о переходе откочевщиков границы следует отметить, что незаконный переход границы по меркам любого государства является правонарушением. А если откочевщики переходят границу под вооруженным прикрытием, то действия погранохраны по пресечению факта нарушения границы, безусловно, должны носить вооруженный характер. Что касается сентенций относительно убийства слабых и незащищенных беженцев, то в серьезной научной статье подобного рода эмоциям и нравоучениям не место.

И последнее на что следует обратить внимание. В предпоследнем абзаце автор пишет: **«На местах протестных выступлений подверглись арестам большое количество людей, арестовывали как участников восстаний или их поддерживавшие. Подобная практика стала своего рода характерологическим признаком советской культуры. Например, комотряды в Мангистау совершали репрессии: арестовывали всех подряд, особенно тех, из числа семейств повстанцев, бесплатно пользовались продовольствием у населения. В этом советские работники признавались сами»**.

Не вдаваясь в допущенные автором стилистические погрешности при построении пред-

ложений, которыми буквально насыщен каждый абзац рассматриваемого текста, отметим, что применение определения **«характерологический признак»** к советской культуре отражает либо непонимание автором сути понятия «характерологический» (от греческого «учение о характерах»), либо его незнание и простое заимствование. Приводимые в качестве примера действия комотрядов не могут служить таковыми, хотя бы потому, что аресты осуществлялись в рамках установок со стороны структурных подразделений ОГПУ по зачистке всего имеющегося «бандэлемента», а продовольственное обеспечение за счет населения в условиях вооруженного противостояния являлось обычной нормой.

Подводя итоги, отметим следующее. Текст статьи содержит целый ряд недостатков системного характера, в том числе: а) отсутствует четкая и внятная формулировка исследовательской концепции, вытекающей из темы, которой посвящена статья; б) историографический раздел статьи не соответствует требованиям историографического анализа; в) слабое знание либо игнорирование работ предшественников; г) отсутствует продуманная структура изложения материала и, как следствие, наличие сумбурности при его подаче; д) вводимый фактический материал превалирует над уровнем его теоретического обобщения; е) представленные в заключении выводы оставляют желать лучшего.

Причиной всего этого является невысокая квалификация автора как исследователя, никогда ранее не занимавшейся данной, сложной по характеру и многоплановой по содержанию, темой.

Публикация невысокой по своему содержанию и исполнению статьи А.С.Мусагалиевой на страницах журнала «Отан тарихи» свидетельствует о снижении со стороны редакции журнала требовательности к представляемым статьям и дает основание полагать, что в отношении рукописи рассматриваемой статьи не были осуществлены все необходимые в таких случаях процедуры и, прежде всего, ее рецензирование специалистами по теме.